

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕТРА I: ОБ ИСТОКАХ ИМПЕРСКОГО ДИСКУРСА КОРОНАЦИИ 1724 г.

Соколова Елена Станиславовна

Доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0002-2996-1935, e-mail: elena.sokolova 1812@yandex.ru.

Статья посвящена выявлению политико-юридической основы мемориальных практик, использованных в коронации Екатерины Алексеевны с целью усиления имперской идеи. Рассматриваются образы и смыслы, положенные в основу визуально-мнемонических средств легитимации императорского титула в условиях отсутствия его институционального и законодательного обеспечения. Обозначены основные доминанты культурно-исторических кодов, сформированных под воздействием византийской модели коронационного церемониала и церемониальных стратегий протестантских государств, прежде всего Прусского королевства. Рассматривается роль солярной символики в формировании представления об особой политико-юридической миссии монарха-самодержца и значении императорского титула для укрепления надсословного статуса субъектов императорской власти в русле теории «общего блага». Подчеркивается высокая гносеологическая значимость мемориальных исследований для проблематики историко-правовой науки, связанной с выявлением ведущих направлений юридической политики, направленной на обеспечение имперской формы государства и имперского правосознания в обществе.

Ключевые слова: визуализация памяти, мемориальная практика, юридическая политика, Российская империя, коронация, историко-правовая наука, легитимация власти, церемониальный текст

Для цитирования: Соколова Е. С. Мемориальные практики в юридической политике Петра I: об истоках имперского дискурса коронации 1724 г. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 74–81. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_74.

MEMORIAL PRACTICES IN THE LEGAL POLICY OF PETER THE GREAT: ON THE ORIGINS OF THE IMPERIAL DISCOURSE OF THE CORONATION OF 1724

Sokolova Elena

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0002-2996-1935, e-mail: elena.sokolova 1812@yandex.ru.

The article is devoted to the identification of the political and legal basis of the memorial practices used in the coronation of Catherine Alekseevna in order to strengthen the imperial idea. The images and meanings underlying the visual-mnemonic means of legitimizing the imperial title in the absence of its institutional and legislative support are considered. The main dominants of cultural and historical codes formed under the influence of the Byzantine model of the coronation ceremony and ceremonial strategies of Protestant states, primarily the Kingdom of Prussia, are revealed. The role of solar symbols in the formation of the idea of the special political and legal mission of the autocrat monarch and the importance of the imperial title for strengthening the supranational status of subjects of imperial power in line with the theory of the «common good» is considered. The high epistemological significance of memorial research for the problems of historical and legal science related to the identification

of the leading directions of legal policy aimed at the formation of the imperial form of the state and imperial legal consciousness in society is emphasized.

Key words: visualization of memory, memorial practice, legal policy, Russian Empire, coronation, historical and legal science, legitimization of power, ceremonial text

*For citation: Sokolova E. (2023) Memorial practices in the legal policy of Peter the Great: on the origins of the imperial discourse of the coronation of 1724. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 74–81. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_74.*

Вопрос о гносеологическом потенциале современной историко-правовой науки и дальнейших перспективах ее развития является сегодня предметом оживленных дискуссий. Растет интерес к разработке методологии культуральной юриспруденции. В трудах ряда авторов подчеркивается связь права с культурными традициями, что не только обеспечивает преемственность правовых норм и институтов, но и способствует эволюции системы права как самобытного и развивающегося организма¹.

Политико-юридическая значимость мемориальных конструкций не исчерпывается способами воздействия властных структур на социум с целью формирования гражданской идентичности. Создание официальных репрезентаций идеологического содержания является одной из основополагающих форм легитимации институтов и персональных носителей верховной государственной власти. В отдельные периоды истории соотношение между символическими и материальными формами юридической политики меняется в пользу активного использования визуально-мнемонических средств. Их основным назначением становится манипулирование сознанием масс посредством создания идеальных смыслов в оценке природы и сущности властных структур².

В общеисторических исследованиях мнемонической конструкции «театра власти» отсутствует обращение к механизмам легитимации тех или иных способов осуществления властных полномочий на основе конструирования визуальных «мест памяти», изначально обретающих юридический смысл по воле правящих лиц. Часть авторов высказывает тезис о так называемой идеологии-памяти, которая находится в противоречии с памятью коллективной, конструируется сверху и отличается недолговечностью, по крайней мере, в условиях политической стабильности³.

С политико-юридической точки зрения это не всегда так. При незрелости государственно-правовых институтов и отсутствии необходимых социокультурных условий для укрепления верховной государственной власти политико-юридическое значение таких образных ориентиров фиксируется как в нарративах официального содержания, так и в мемориальных законах, жизнеспособность которых зависит от властно-управленческой элиты. Подобная ситуация сложилась в начале 1720-х гг., когда имперский статус России еще не был признан на дипломатическом уровне. В обновленной стратегии коронационного церемониала 1724 г. Петр I руководствовался уже не византийской традицией, а политико-юридической практикой, нацеленной на формирование имперского дискурса в принципиально иных образных формах.

Смысловая направленность коронационного торжества, организованного Петром I в соответствии с политико-юридической направленностью Манифеста 1724 г. о даровании императорского титула его супруге Екатерине Алексеевне, хорошо просле-

¹ Честнов И. А. Культуральные исследования права в постсовременном обществе // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 2018 г. / науч. ред. А. С. Запесоцкий, А. П. Марков, Е. А. Кайсаров и др. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 554–555; Дорская А. А., Дорский А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX – начала XXI века // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2019. № 4. С. 19–27; Их же. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Право. 2018. Т. 9. № 2. С. 124–138.

² Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-история, 2018. С. 27–54.

³ Колосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 29–77.

живается на основе соответствующих узаконений, официального описания коронационного церемониала и ряда иных источников познания права. Особенности субъективного восприятия обновленных политико-юридических кодов, обеспечивающих визуально-мнемонические формы легитимации самодержавной модели власти, отражены в эго-источниках и дипломатической переписке первой половины 1720-х гг.¹

Российские церемониальные тексты петровского времени с их акцентом на ведущую роль монарха в достижении государственного единства активно исследуются культурологами, искусствоведами и специалистами в области политической истории². Обращение историков государства и права к данной проблематике создает дополнительную возможность для реконструкции того направления имперской юридической политики первой четверти XVIII в., которое было нацелено на укрепление надсословного по своей природе самодержавного политического режима.

Осмысление нового статуса российского монарха посредством мемориальных конструкций коронационного текста отличалось новаторским подходом к основным его элементам, апробированным в старомосковской политико-юридической практике. Вместе с тем Петр I сохранил традиционные элементы церемониального декора, связанные с солярной символикой и присущие как восточной, так и западной традиции. Его дипломатическая поездка во Францию, предпринятая в 1717 г. с целью выяснить намерения королевского двора относительно возможного посредничества при заключении русско-шведского мирного договора, сопровождалась посещением дворцов Версаля и Тюильри с их выполненными в золотой гамме барочными декорациями.

Солнечный свет, олицетворяющий абсолютную власть короля, был включен в политико-юридический контекст оформления официальных французских резиденций не только как дань религиозной традиции и культурно-историческим предпочтениям Людовика XIV. Его символика отражала основные положения теории Ж. Бодена о суверенной власти как основном признаке монархического государства, где король правит, как помазанник Божий, неограниченно властвуя над своими подданными. При первых Романовых обращение к солярной традиции под влиянием византийских образцов стало неременным атрибутом коронационного текста. Не противоречила она и канонам коронации, устоявшимся к первой четверти XVIII столетия в протестантских государствах³.

¹ 1723. Ноября 15. Манифест. О короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны // Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. СПб., 1830 (далее – ПСЗ I). С. 161–162; 1723. Майя 10. Именной, данный Тайному Советнику Матвееву. О обнаружении благополучного совершения коронации Ея Императорского Величества Императрицы Екатерины Алексеевны и о принесении торжественного Господу Богу благодарения // Там же. Т. 7. № 4501. С. 281; *Бассевич Г.-Ф.* Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича, который жил в России, состоя при особе голштинского герцога Карла Фридриха, женившегося на дочери Петра Великого Анне Петровне / пер. с фр. И. Ф. Аммона. М.: Тип. Грачева, 1866. Стлб. 157–161; *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725. Новое издание с дополнительными примечаниями. М.: Университетская тип., 1902. С. 31–44; Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте, маркизом де Бонаком, с 1723 г. по март мес. 1725 г. № 59, Год 1724. Кампредон, 26 мая, Москва // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. Т. 52. С. 214–219.

² *Быкова Ю. И., Тюхменева Е. А.* Путь к империи. Становление придворной художественной культуры в России в петровское время. М.: БуксМарт, 2022. С. 16–56; *Амелехина С. А.* Церемониал коронации в Российской империи // *Российская история*. 2014. № 1. С. 74–81; *Аронова А. А.* Коронационные декорации как политический текст: Екатерина I – Екатерина II // *Искусствознание*. 2015. № 3. С. 170–211.

³ *Mezin S.* The Paris of Peter the Great // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 329–353. DOI: 10.15826/qr.2017.2.226; *Обстоятельной журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского: в 2 вып. Вып. 1. М.: Круг, 2004. С. 616–618; Les six livres de la republique de I. Bodin Angeuin. A Monseigneur du Favr Seiqneur de Pibrac, Conseiller du Roy en son Coseil priué. P.: Chez lacques du Puys, Libraire luré, á la Samaritaine, 1576. P. 124–154; Mémoires de Louis XIV, écrits par lui-même, composés par le Grand Dauphin, son fils, et addresses á ce prince, suivis de plusieurs fragments de memoires militaires, de l'instruction donnée á Philippe V, de dix-sept letters addresses á ce monarque sur le gouvernement de ses État, et de diver autres pièces inédites, mis en ordre et publiés, par J.-L.-M. de Gain Montagnac. Première Partie. P.: Garnery, 1806. P. 169–172; Mémoire pour servir d'instruction au sieur de Liboye, gentilhomme ordinaire de la maison du roi,*

В официальном отчете о коронации 1724 г. содержится подробное описание золотого декора, использование которого должно было подчеркнуть новые политико-юридические смыслы, связанные с принятием императорского титула и коронованием Екатерины I исключительно по воле Петра I как носителя неограниченной власти, нацеленной на реализацию божественной воли¹.

Об античных корнях имперских притязаний Петра I, который сам короновал свою супругу, свидетельствовала произведенная им замена золотых барм на императорскую мантию, подбитую белыми горностаями и выполненную «из золотого штофа, по которому яко бы разсеяны были Орлы, высоким швом вышитые...». Во время коронации Петр, возлагавший на коленопреклоненную Екатерину мантию и корону по обычаю византийских императоров, не выпускал скипетра из рук, что должно было подчеркнуть принадлежность верховной власти ему одному².

Роль, отведенная в коронационной церемонии высшим духовным иерархам, последовательно отражала новеллы церковной реформы, основное содержание которой заключалось в развитии чуждого Византии полного огосударствления церкви. Во время коронования «архиереи и синодальные архимандриты» сели на приготовленных для них скамьях, расположенных у подножия «чертога», на котором находился императорский трон³.

Дальнейшая церемония изобиловала прозрачными смысловыми аллюзиями, напоминающими присутствующим о последовательном ослаблении политической роли «священства» в период петровских реформ. В частности, заняв согласно обычаю «царское место» на время проведения церковной службы, новая императрица сняла слишком тяжелую для нее корону и передала ее статс-секретарю петровского Кабинета А. В. Макарову⁴.

Отказ от значительной части сакральных мотивов, присущих коронациям первых Романовых, в пользу военных атрибутов и светского шествия придворной элиты знаменовал возникновение новых форм легитимации самодержавного режима власти в условиях трансформирования российской монархии в имперское государство. Следует отметить, что допущенные Петром I церемониальные новеллы 1724 г. частично соответствовали коронационной практике Фридриха I Прусского. В 1701 г. он возложил на себя и свою супругу королевскую корону с целью добиться полной независимости от Священной Римской империи ценой отказа от статуса курфюрста земли Бранденбург. Торжества, организованные по этому случаю в Кенигсберге, отличались размахом в использовании солярной символики, но были выдержаны в ином политико-юридическом ключе, свободном от имперских притязаний. Прежде всего, они носили ярко выраженный надсословный характер и содержали много элементов, подчеркивающих политическое значение общественных корпораций для укрепления неограниченной власти прусского монарха. В то же время политический акт самокоронования и отказ от инвеституры не только возвышал нового короля над духовными иерархами, но и демонстрировал его всеобъемлющую власть над подданными всех состояний⁵.

Отдельные политико-юридические коды надсословного содержания присутствовали и в организации торжественных мероприятий, которые проходили после об-

allant par ordre de Sa Majesté auprès du czar de Moscovie qui vient incognito dans le royaume. Le 5 Avril, 1717 // Сборник Императорского Русского Исторического общества / под ред. А. А. Половцова. Т. XXXIV. СПб.: Императорская Академия наук, 1881. С. 127–138.

¹ Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. Печатано в Санкт-Петербурге при Сенате, 1724. С. 2–5.

² Там же. С. 13, 25; Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / науч. ред. Т. В. Куц. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. С. 96–130.

³ Описание Коронации... С. 8–9, 11–12.

⁴ Там же. С. 15–16, 14, 17.

⁵ Cramer F. Zur Geschichte FriedrichWilhelms I und Friedrich II. Könige von Preussen. Leipzig: bei Ludwig Shcrech, 1835. S. 3–20; Clarc Ch. Preussen. Aufstieg und Niedergang. 1600–1949. München: Deutsche Verlags Anstalt, 2007. S. 93–105; Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны. Исторические очерки. Документы. Материалы / гл. ред. В. С. Исупов. Калининград: Книжное изд-во, 1996. С. 224–225; Göze F. Friedrich I (1657–1713): ein König in Preussen. Regensburg: Pustet, 2012. S. 56–115. В научной литературе анализируются и другие образцы протестантских церемониалов, связанных уже только с коронованием женщин. См.: Амелехина С. А. Указ. соч. С. 80–81.

ряда коронавания 1724 г. Согласно старомосковскому обычаю лица, приглашенные «по чину» на церемонию возложения короны в Успенском соборе, обедали вместе с императорской четой в Грановитой палате¹.

По европейскому обычаю, несущему в себе отголосок древних языческих культов плодородия, солярной символики и идеи космического порядка, для москвичей был приготовлен в качестве угощения «бык жареной, начиненной многими разных родов птицами, а по сторонам того быка пускано из двух зделанных фонтан, вино красное и белое, во удовольствие всему предстоящему народу». Это изобилие, служившее образным воплощением идеи «общего блага», достигнутого благодаря неусыпным заботам разумного и сурового монарха, было соотнесено с поклонением могучему мужскому началу. Во многих политеистических культурах именно оно символизировало царскую власть². Аналогичные мотивы присутствовали в церемониале прусской коронации 1701 г., которая завершилась парадным обедом в зале московитов замка Кенигсберг, сопровождалась народными гуляниями, раздачей жареного мяса и обильными возлияниями из запущенных на замковой площади винных источников, выполненных в барочном стиле³.

Подводя итоги, подчеркнем политико-юридическую значимость обращения правящей элиты к образным средствам мемориального содержания для тех исторических этапов развития государственно-правовых систем, когда потребность верховной власти в эффективных способах ее легитимации по разным причинам в недостаточной степени обеспечивалась на нормативно-правовом уровне. В первой четверти XVIII в. обновление церемониальных текстов превращается в один из векторов юридической политики Петра I, нацеленной на укрепление надсословной модели взаимодействия монарха и подданных, обеспечивающей его возвышение над всеми слоями российского населения в условиях хаотичного состояния правовой системы и наличия юридической неопределенности статусных признаков самодержавия.

Данная лакуна преодолевалась как на визуально-мнемоническом, так и на законодательном уровне. Предметами правового регулирования были не только общественные отношения, которые складывались в ходе становления имперского государства, но и внешние атрибуты государственной власти. Присущий им знаковый смысл в полной мере отражал возросшие притязания монарха на роль единственного гаранта территориально-политического единства Российской империи, выведенного из-под действия как юридических предписаний, так и божественных законов. В условиях необходимости урегулирования внешнеполитических конфликтов, возникших после окончания Северной войны из-за непризнания большинством европейских держав императорского титула, решающее политико-юридическое значение приобрели знаковые коды коронационных сценариев, дипломатических акций и иных церемониалов надсословного содержания. Их нацеленность на легитимацию доминирующего положения монарха в политической системе Российского государства с позиций просветительской конструкции «общего блага» в ее патерналистской проекции поддерживалась на уровне законодательной политики в области разработки новых форм титулатуры, соответствующих имперской модели правосознания. Наиболее существенные новеллы в области разработки репрезентативных стратегий, повышающих надсословный имидж верховной власти, получали нормативно-правовое закрепление в источниках права, подлежащих обнародованию. Визуально-мнемонические способы трансляции представления о законном характере особого статуса монарха, обеспечивающего внутривнутриполитическую стабильность и лидерство Российской империи в системе европейских держав, поддерживались на вербальном уровне посредством официальных публикаций церемониальных текстов. Становление властных институтов самодержавного государства происходило в условиях неблагоприятного внешнеполитического фактора и длительного отсутствия четко выстроенной вертикали власти, что способствовало активизации идеологического потенциала мемориальных стратегий и усилению их политико-юридической значимости.

¹ Описание Коронации... С. 20–21.

² Там же. С. 23.

³ *Clarc Ch. Op. cit. S. 92–96.*

Список литературы

Амелехина С. А. Церемониал коронации в Российской империи // Российская история. 2014. № 1. С. 74–94.

Аронова А. А. Коронационные декорации как политический текст: Екатерина I – Екатерина II // Искусствознание. 2015. № 3. С. 170–211.

Бассевич Г.-Ф. Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича, который жил в России, состоя при особе голштинского герцога Карла Фридриха, женившегося на дочери Петра Великого Анне Петровне / пер. с фр. И. Ф. Аммона. М.: Тип. Грачева, 1866. 186 с.

Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725. Новое издание с дополнительными примечаниями. М.: Университетская тип., 1902. 148 с.

Быкова Ю. И., Тюхменева Е. А. Путь к империи. Становление придворной художественной культуры в России в петровское время. М.: БуксМарт, 2022. 448 с.

Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца Второй мировой войны: Исторические очерки. Документы. Материалы / гл. ред. В. С. Исупов. Калининград: Книжное изд-во, 1996. 538 с.

Дипломатическая переписка французского полномочного министра при русском дворе Кампредона с французским двором и французским посланником при Оттоманской Порте, маркизом де Бонаком, с 1723 г. по март мес. 1725 г. № 59. Год 1724. Кампредон, 26 мая, Москва // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. Т. 52. С. 214–219.

Дорская А. А., Дорский А. Ю. «Войны памяти» и их правовое измерение: мемориальные законы как явление правовой жизни конца XX – начала XXI века // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2019. № 4. С. 19–27.

Дорская А. А., Дорский А. Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Право. 2018. Т. 9. № 2. С. 124–138.

Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-история, 2018. С. 27–54.

Обстоятельный журнал о вояже (или о путешествии) его царского величества, как ис Копенгагена поехал и был Галандии, во Франции и в протчих тамошних местах, и что там чинилось // Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова, под общ. ред. А. А. Преображенского: в 2 вып. Вып. 1. М.: Круг, 2004. С. 610–625.

Описание Коронации Ея Величества Императрицы, Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. Печатано в Санкт-Петербурге при Сенате, 1724. 81 с.

Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 7. № 4501.

Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / науч. ред. Т. В. Куш. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011. 334 с.

Честнов И. А. Культуральные исследования права в постсовременном обществе // Контур будущего в контексте мирового культурного развития: XVIII Международные Лихачевские научные чтения, 2018 г. / науч. ред. А. С. Запесоцкий, А. П. Марков, Е. А. Кайсаров и др. СПб.: СПбГУП, 2018. С. 554–555.

Clarc Ch. Preussen. Aufsteig und Niedergang. 1600–1949. München: Deutsche Verlags Anstalt, 2007. 896 s.

Cramer F. Zur Geschichte FriedrichWilhelms I und Friedrich II. Könige von Preussen. Leipzig: bei Ludwig Shcrech, 1835. 182 s.

Göze F. Friedrich I (1657–1713): ein König in Preussen. Regensburg: Pustet, 2012. 392 s.

Les six livres de la republique de I. Bodin Angeuin. A Monseigneur du Favr Seigneur de Pibrac, Conseiller du Roy en son Coseil priué. P.: Chez Jacques du Puys, Libraire Luré, à la Samaritaine, 1576. 759 p.

Mémoire pour servir d'instruction au sieur de Liboye, gentilhomme ordinaire de la maison du roi, allant par ordre de Sa Majesté auprès du czar de Moscovie qui vient incognito dans le royaume. Le 5 Avril, 1717 // Сборник Императорского Русского Исторического общества / под ред. А. А. Полוצова. Т. XXXIV. СПб.: Императорская Академия наук, 1881. С. 127–138.

Mémoires de Louis XIV, écrits par lui-même, composés par le Grand Dauphin, son fils, et adressés à ce prince, suivis de plusieurs fragments de memoires militaires, de l'instruction donnée à Philippe V, de dix-sept lettres adressées à ce monarque sur le gouvernement de ses État, et de divers autres pièces inédites, mis en ordre et publiés, par J.-L.-M. de Gain Montagnac. Première Partie. P.: Garnery, 1806. 339 p.

Mezin S. The Paris of Peter the Great // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 2. P. 329–353. DOI: 10.15826/qr.2017.2.226.

References

(1576) *Les six livres de la republique de I. Bodin Angeuin A Monseigneur du Favr Seigneur de Pibrac, Conseiller du Roy en son Coseil priué*. Paris, Chez Jacques du Puys, Libraire luré, á la Samaritaine, 759 p.

(1724) *Opisanie Koronatsii Eya Velichestva Imperatritsy, Ekateriny Alekseevny, torzhestvenno otpravlennoi v tsarstvuyushchem grade Moskve 7 maya 1724 godu. Pechatano v Sankt-Peterburge pri Senate* [Description of the Coronation of Her Majesty the Empress, Ekaterina Alekseevna, solemnly celebrated in the reigning city of Moscow on May 7, 1724]. Saint-Petersburg, pri Senate, 81 p.

(1806) *Mémoires de Louis XIV, écrits par lui-même, composez pur le Grand Dauphin, son fils, et addresses á ce prince, suivis de pluseurs fragments de memoires militaires, de l'instruction donnée á Philippe V, de dix-sept letters addresses á ce monarque sur le gouvernement de ses État, et de diver autres pièces inédites, mis en ordre et publiés, par J.-L.-M.de Gain Montagnac. Première Partie*. Paris, Garnery, 339 p.

(1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, povelaniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe. Sobranie pervoe* [The Complete collection of laws of the Russian Empire, compiled by order of Emperor Nikolai Pavlovich. Collection I]. Saint-Petersburg, vol. 7, no. 4501.

(1881) Mémoire pour servir d'instruction au sieur de Liboye, gentilhomme ordinaire de la maison du roi, allant par ordre de Sa Majesté auprès du czar de Moscovie qui vient incognito dans le royaume. Le 5 Avril, 1717. In Polovtsov A. A. (Ed.) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva*, vol. XXXIV. Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk, pp. 127–138.

(1886) *Diplomaticeskaya perepiska frantsuzskogo polnomochnogo ministra pri russkom dvore Kampredona s frantsuzskim dvorom i frantsuzskim poslannikom pri Ottomanskoj Porte, markizom de Bonakom, s 1723 g. po mart mess. 1725 g. № 59, God 1724. Kampredon, 26 maya, Moskva* [Diplomatic correspondence of the French Minister Plenipotentiary at the Russian court of Campredon with the French court and the French Envoy to the Ottoman Porte Marquis de Bonac from 1723 to March 1725, No. 59. 1724. Campredon, May 26, Moscow]. In *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva*. Saint-Petersburg, Tipografiya M. Stasyulevicha, vol. 52, pp. 214–219.

(2004) *Obstoyatelnoi zhurnal o voyazhe (ili o puteshestvii) ego tsarskogo velichestva, kak is Kopengagena poekhal i byl Galandii, vo Frantsii i v protchikh tamoshnikh mestakh, i chto tam chinilos'* [A detailed journal about the voyage (or travel) of His Imperial Majesty, how he went from Copenhagen and was in Galand, in France and in other places there, and what happened there]. In Preobrazhenskii A. A., Maikova T. S. (Eds.) *Gistoriya Sveiskoi voiny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)*: in 2 is., is. 1, Moscow, Krug, pp. 610–625.

Amelekhina S. A. (2014) Tseremonial koronatsii v Rossiiskoi imperii [Coronation ceremony in the Russian Empire]. In *Rossiiskaya istoriya*, no. 1, pp. 74–94.

Aronova A. A. (2015) Koronatsionnye dekoratsii kak politicheskii tekst: Ekaterina I – Ekaterina II [Coronation scenery as a political text: Catherine I – Catherine II]. In *Iskusstvoznanie*, no. 3, pp. 170–211.

Bassevich G.-F. (1866) *Zapiski o Rossii pri Petre Velikom, izvlechennye iz bumag grafa Bassevicha, kotoryi zhil v Rossii, sostoya pri osobe golshtinskogo gertsoga Karla Fridrikha, zhenivshegosya na docheri Petra Velikogo Anne Petrovne* [Notes on Russia under Peter the Great, extracted from the papers of Count Bassevich, who lived in Russia, being with the person of the Holstein Duke Karl Friedrich, who married the daughter of Peter the Great Anna Petrovna], transl. by I. F. Ammon. Moscow, Tipografiya Gracheva, 186 p.

Berkhgo'l'tsa F. V. (1902) *Dnevnik kamer-yunkera F. V. Berkhgo'l'tsa* [Diary of the Chamber Junker F. V. Berkholtz]. 1721–1725. Novoe izdanie s dopolnitel'nymi primechaniyami. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 148 p.

Bykova Yu. I., Tyukhmeneva E. A. (2022) *Put' k imperii. Stanovlenie pridvornoj khudozhestvennoj kul'tury v Rossii v petrovskoe vremya* [The path to empire. The formation of court artistic culture in Russia in the time of Peter the Great]. Moscow, BuksMart, 448 p.

Chestnov I. A. (2018) Kul'tural'nye issledovaniya prava v postsovremennom obshchestve [Cultural studies of law in postmodern society]. In Zapesotskii A. S., Markov A. P., Kaiserov E. A., et al. (Eds.) *Kontury budushchego v kontekste mirovogo kul'turnogo razvitiya: XVIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 2018 g.* Saint-Petersburg, SPbGUP, pp. 554–555.

Clarc Ch. (2007) *Preussen. Aufsteig und Niedergang. 1600–1949*. München, Deutsche Verlags Anstalt, 896 p.

Cramer F. (1835) *Zur Geschichte FriedrichWilhelms I und Friedrich II. Könige von Preussen*. Leipzig, bei Ludwig Shcrech, 182 p.

Dorskaya A. A., Dorskii A. Yu. (2018) Ofitsial'naya politika pamyati v sovremennoi Rossii: yuridicheskoe izmerenie [Official memory policy in modern Russia: legal dimension]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Pravo*, vol. 9, no. 2, pp. 124–138.

Dorskaya A. A., Dorskii A. Yu. (2019) «Voiny pamyati» i ikh pravovoe izmerenie: memorial'nye zakony kak yavlenie pravovoi zhizni kontsa XX – nachala XX I veka [«Memory wars» and their legal dimension: memorial laws as a phenomenon of legal life at the end of the XX – beginning of the XXI century]. In *Vestnik MGPU. Ser. Yuridicheskie nauki*, no. 4, pp. 19–27.

Göze F. (2012) *Friedrich I (1657–1713): ein König in Preussen*. Regensburg, Pustet, 392 p.

Isupov V. S. (Ed). (1996) *Vostochnaya Prussiya. S drevneishikh vremen do kontsa Vtoroi mirovoi voyny: Istoricheskie ocherki. Dokumenty. Materialy* [East Prussia. From ancient times to the end of the Second World War: Historical essays. Documentation. Materials]. Kaliningrad, Knizhnoe izdatel'stvo, 538 p.

Koposov N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [High Security Memory: History and Politics in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 320 p.

Malinova O. Yu. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The Politics of Memory as an Area of Symbolic Politics]. In Miller A. I., Efremenko D. V. (Ed.) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati*. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-istoriya, pp. 27–54.

Mezin S. (2017) The Paris of Peter the Great. In *Quaestio Rossica*, vol. 5, no. 2, pp. 329–353. DOI: 10.15826/qr.2017.2.226.

Polyakovskaya M. A. (2011) *Vizantiiskii dvortsovyi tseremonial XIV v.: «teatr vlasti»* [Byzantine palace ceremony of the XIV century: «theater of power»], ed. by T. V. Kushch. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 334 p.